

ТАМАРА ЛЁННГРЕН

Жизнь на грани выживания. Заметки о творчестве Юрия Рытхэу

Надо надеяться, как надеялись наши предки, только на себя. Вот эта мысль — самая главная.

Ю. Рытхэу

Материалом для этой статьи послужили магнитофонные записи, сделанные во время встречи с Ю. Рытхэу¹. Беседа с писателем затрагивала очень много вопросов, касающихся не только его творчества, но и насущных проблем современной Чукотки: культуры, образования, чукотского языка, оленеводства и т. д., так что материала оказалось слишком много для одной короткой статьи. Поэтому здесь использована только та часть беседы, где речь шла о проблемах, связанных с литературной деятельностью писателя.

Сначала я хотела написать только о «постперестроечных» произведениях Ю. Рытхэу, но для творчества этого писателя характерно то, что между многими произведениями разных периодов просматривается взаимосвязь, исключающая возможность анализировать современные произведения без упоминания о более ранних.

Обращение в этой статье к анализу и ранних произведений обусловлено еще и тем, что на сегодняшний день нельзя признать удо-

---

¹ Во время поездки в Петербург в октябре 1997 года мне посчастливилось встретиться с Юрием Сергеевичем Рытхэу. Для меня, немало прожившей на Чукотке, интересующейся творческой деятельностью Ю. Рытхэу и давно мечтавшей о такой встрече, это было действительно знаменательное событие. В течение часа я старалась получить как можно больше ответов на интересующие меня вопросы и все записать (Юрий Сергеевич любезно позволил мне воспользоваться диктофоном). Время пролетело незаметно. Конечно, о многом хотелось бы еще спросить, но времени уже не было... На прощание было высказано обнадеживающее предположение, в которое хотелось бы верить: это не последняя наша встреча.

влетворительным изучение творческого наследия первого чукотского прозаика. Творчеству Ю. Рытхэу посвящено две коротких монографии (Зальцманн, 1974, Власенко, 1988), в которых внимание авторов прежде всего сосредоточено на содержательной стороне произведений, отмеченных в советской критике. Кроме того, сейчас появилось много новых интересных как по форме, так и по содержанию произведений писателя, которые не нашли пока еще должного отклика в критической литературе. В моей же короткой заметке о творчестве Ю. Рытхэу (Лфиннгрэн, 1997) об этом сказано было очень мало.

Перечисленные факторы определили цель и содержание этой статьи: после кратких биографических сведений о Ю. Рытхэу речь пойдет о его творческом наследии: сначала будут определены основные периоды творчества, а затем внимание будет сосредоточено на содержании и особенностях отдельных произведений разных периодов.

Юрий Сергеевич Рытхэу родился 18 марта 1930 года на Мысе Дежнева в приморском поселке Уэлен, то есть в противоположном от Тромсё конце восточного полушария. Время рождения будущего первого писателя древнего северного чукотского народа совпадает с появлением письменности у чукчей: первый чукотский букварь, «Чечеткен ветгав», был издан в 1932 году.

После окончания семилетки Ю. Рытхэу сначала работал в Провиденском морском порту, а затем продолжил учебу в Анадырском педагогическом училище. Как один из лучших выпускников, в 1948 году Ю. Рытхэу был направлен в Ленинград, на Северный факультет при Ленинградском университете. Сначала он учился на лингвистическом отделении, а затем — на факультете журналистики. Сейчас Ю. Рытхэу живет в Петербурге, уже пенсионер, но не прекращает своей писательской деятельности.

В произведениях первого чукотского прозаика запечатлены два исторически переломных момента в жизни его маленького древнего северного народа: первый — это установление советской власти, разрушение вековых традиций, наивная вера чукчей в «сказки белого человека». Эти события нашли отражение в произведениях 1951-1970

гг. А второй момент истории — это сегодняшний день Чукотки, жестокая расплата за наивную веру, крушение всех надежд, разочарование, возвращение «на круги своя». Об этом периоде жизни чукчей идет речь в современной прозе Ю. Рытхэу, относящейся преимущественно к последнему десятилетию уходящего века.

В произведениях 1970-1986 гг., многие из которых получили высокую оценку в советской критике, сначала робко, а затем все более отчетливо, начинают просматриваться сомнения в верности избранного пути. Так, уже в романе «Сон в начале тумана», опубликованном в 1970 году, в словах чукчи Танарата прозвучала точная характеристика деятельности представителей советской власти:

Пока мы не видели никакой пользы от вас. Вы ездите по селениям, худыми словами ругаете нашу жизнь, смущаете людей, выбираете какие-то Советы. Сами не работаете и только призываете трудиться. Ваша жизнь — это говорение слов. К этому, что ли, нас зовете? («Сон в начале тумана», 381²)

Как известно, призыв к борьбе с пустым «говорением слов» был поднят на щит в период перестройки и гласности, а Ю. Рытхэу высказал эту мысль словами чукчи Танарата в романе, высоко оцененном советской критикой во времена глубокого застоя (см., напр., Якименко, 1973:159; Осмоловская, 1978:118-127 и др.). И это не единственный пример. Некоторые строки из произведений «прозревшего» чукотского прозаика кажутся сейчас пророческими:

[...] все это продлится недолго, рано или поздно большевистский строй падет [...] Тогда Чукотка снова вернется к своей жизни и каждый человек вернется к тому состоянию, которое выпало ему на долю. Тогда люди снова познают цену радости и все истинно человеческое снова будет цениться. («Сон в начале тумана», 386)

Но прозрение у умудренного трудным жизненным опытом, но неискушенного лицемерием цивилизации, доверчивого чукотского

---

² Цитируется по изданию: Ю. Рытхэу, Избранное в двух томах. Том 1. Ленинград, 1981.

народа наступило не сразу. Не сразу стал прозорливым и первый чукотский прозаик.

На сегодняшний день в творчестве Ю. Рытхэу условно можно выделить три основных периода: 1951-1969; 1970-1988; 1989 — по настоящее время.

Первый период распадается на два этапа: 1951-1960 и 1961-1969. Для произведений первого этапа, написанных на чукотском языке и вошедших в сборники «Родное слово» (1951), «Люди нашего берега» (1953), «Чукотская сага» (1956), характерно спокойное, несколько наивное, описание природы и быта родного края.

Но как отмечается в работах критиков, уже в литературных дебютах молодого чукотского прозаика, несмотря на явную описательность, порою преобладание беллетризованного репортажа над аналитичностью авторских наблюдений, открылись очень интересные, неожиданные возможности подхода к жизненному материалу, заставляющие задуматься о нераскрытых потенциях повествовательной формы. Ранняя проза Ю. Рытхэу полна свежести, она легким движением облекает в чувственную образную плоть характерные, многозначительные реалии жизни маленького народа (Осмоловская, 1978:111).

Первые рассказы молодого писателя пронизывает идейно-эстетическая поэзия, вызванная непреодолимым желанием писать прежде всего о том, что помогает человеку жить лучше, радостнее. Несмотря на определенный «традиционализм», эти рассказы необычны по сюжету, композиции, они как бы «врастают» друг в друга, создавая впечатление непрерывного, цельного повествования и тем самым свидетельствуют об определенном высоком уровне мастерства формы рассказов писателя (Власенко, 1988:36).

В советской критике существует много работ, посвященных проблеме подхода писателей младописьменных народов к жизненному материалу. Как видно из приведенных выше высказываний И. Осмоловской и А. Власенко, а также работ других авторов (см., напр., Гусева, 1953; Яранцев, 1957; Соловьева, 1958; Антопольский, 1959, Пошатаева, 1998 и др.), не остались в стороне от пристального внимания критиков и первые произведения чукотского прозаика.

Ю. Рытхэу (5.10.97)³ по этому поводу заметил:

Для меня всегда были интересны и забавны рассуждения литературоведов о писательском труде [...], о том, как он вложил и выразил великую идею, как он глубоко отобразил и т. д. и т. д. Я об этом не думаю. У американцев есть очень хорошее определение story teller. Так вот, я story teller: ни философ, ни интеллектуал, даже не интеллигент.

А процесс работы над созданием первых рассказов сам автор охарактеризовал так:

Эти рассказы, которые вначале не были задуманы так, как они сложились впоследствии в книгу «Чукотская сага», создавались на протяжении трех лет, а в процессе выявилось, что из них можно сделать книгу, которая объединена одной идеей, одной целью и даже одними героями. Кто читал эту книгу, тот мог заметить, что герои книги «Чукотская сага» кочуют из одного рассказа в другой. В одном рассказе они занимают ведущее место, а в другом — отходят на второй план. Этими рассказами я хотел показать настоящее Чукотки. Дело в том, что почти все книги, написанные о Чукотке, рисовали ее прошлое, и мне, как чукче, часто задавали вопросы, на которые одной-двумя фразами ответить нельзя. Рассказы мои и явились своеобразным ответом на вопросы собеседника. (цит. по Власенко, 1988:36-37)

Как было уже отмечено выше, первые произведения Ю. Рытхэу были написаны на чукотском языке, но вскоре он полностью перешел на русский язык. Этот переход Ю. Рытхэу (5.10.97) объясняет естественным для каждого писателя желанием:

Мне хотелось широкого, большого читателя, в том числе и чукотского, который воспитан на чтении русской художественной литературы. У него очень мало практики чтения книг на чукотском языке. Это чтение еще и затруднено несовершенством грамматики, путаницей в начертании букв и так далее. Ему легче читать на русском языке. Ведь мой читатель, к которому я обращаюсь, он, как минимум, закончил семь классов. Это первое.

---

³ Здесь и далее: дата в скобках, (5.10.97), указывает на то, что цитата приводится из магнитофонной записи беседы с Ю. С. Рытхэу в Петербурге, 5 октября 1997 года.

Второе: я начинал в начале 50-х годов, после смерти Сталина, и в то время к родным языкам относились уже прохладно. Русский язык — это главный язык исторической общности и так далее и так далее. И тот, кто хорошо владел русским языком, тот и воевал. Это объективные реальности, и от них не уйдешь никуда.

Второй этап первого периода творчества Ю. Рытхэу представлен трилогией автобиографического характера: «Время таяния снегов» (1958), «Ринтын едет в университет» (1960), «Ленинградский рассвет» (1967). Если сравнить первую и последнюю части этой трилогии, то нетрудно заметить ощутимую разницу: в первой части преобладают описания природы и быта родного края молодого писателя (такие описания в произведениях Ю. Рытхэу критики называют экзотическими, см. об этом ниже), а в последней части появляются черты объединения таких описаний с публицистической остротой.

Для лучших произведений второго этапа первого периода характерно полное преодоление барьера чистого описания природы и быта Чукотки. Самым значительным произведением этого времени можно считать роман «Айвангу» (1966). По проблематике и сюжету этот роман перекликается с «Повестью о настоящем человеке» Б. Полевого. Но если в «Повести» события происходили в экстремальные для всего народа годы второй мировой войны, и подвиг героя совершался на фоне героических военных будней всего народа, то вся образная основа романа «Айвангу» самобытна и исполнена новых художественных поисков, поскольку действие в романе разворачивается в мирные будни.

Как справедливо заметил А. Власенко (1988:43), победу как писатель Ю. Рытхэу одерживает прежде всего в создании правдивого образа человека, который в трагических обстоятельствах сумел выжить и даже превзойти самого себя. «Айвангу» — это реалистический роман о современности. Как отметил Ю. Рытхэу, написание этого романа было сопряжено с рядом трудностей, поскольку необычная остродраматическая ситуация, разворачивающаяся в романе, требовала от писателя неординарных глубоких психологических мотивировок поведения героя. В общих чертах сюжет этого романа сводится к тому, что у охотника ампутировали ноги, и он, следуя

прежним северным законам, должен был добровольно покинуть мир и «уйти за облака». Но герой находит в себе силы, не покоряется нахлынувшей слабости, не сдается, а находит свое место в жизни в сложных для него обстоятельствах: он осваивает новую, далеко не простую и легкую профессию даже для физически полноценного человека — он становится капитаном сейнера.

Именно в этом романе, как кажется, впервые в творчестве Ю. Рытхэу наиболее отчетливо в художественной форме была сформулирована мысль о том, что человек в первую очередь должен надеяться на свои силы и не ждать подачек и поблажек от окружающих. Герою романа приходится сражаться не только за выживание в трудных природных условиях (он преодолевает ледяное поле с обмороженными ногами), но и постоянно вступать в единоборство с недостойными приспособленцами, стремящимися жить за чужой счет.

Ю. Рытхэу был глубоко обеспокоен стремлением многих его земляков жить за чужой счет и поощрением таких стремлений в виде различных многочисленных льгот и пособий со стороны государства. Он писал по этому поводу:

Есть множество льгот и преимуществ, которыми долгое время пользовались народы, оказавшиеся в культурном и экономическом плане на положении догоняющих. Однако с годами какая-то часть представителей нашего народа стала привыкать к тому, что многое делается как бы само собой, без особых на то усилий. Иные мои соплеменники стали привыкать к безнаказанности и прощению, не понимая унижительность такого снисхождения. (1987, «Литературная газета» от 21 авг.)

Как показала история, фальшивое заигрывание советского правительства с народами Крайнего Севера, сводившееся, с одной стороны, к подачкам различных пособий, а с другой — к бессовестному разбазариванию природных богатств и безжалостному уничтожению многовекового национального опыта хозяйствования в экстремальных условиях Крайнего Севера, привело эти народы к страшной зияющей пропасти, преодолеть которую они сейчас пытаются.

Ко второму периоду творчества Ю. Рытхэу (1970-1988) относятся наиболее известные для советских читателей произведения — это

романы «Сон в начале тумана» (1970), «Иней на пороге» (1972), «Ко-нец вечной мерзлоты» (1984), «Магические числа» (1986), «Остров надежды» (1987), современные легенды «Когда киты уходят» (1977), «Тэрыкы» (1979), «Ирвытгыр» (1980), ряд рассказов и повестей.

Среди названных произведений особого внимания заслуживает роман «Магические числа», который сам Юрий Сергеевич называет романом об Амундсене. Исследователи творчества Ю. Рытхэу по-разному оценивают степень значимости этого романа в литературном наследии писателя. Так, например, А. Власенко (1988:102) пишет, что «Роман 'Магические числа' философичен в лучшем смысле этого слова, в нем заключена мудрость удивительно чистого и поэтичного народа, закалившегося в страдании и борьбе за существование, познавшего подлинную цену радости и горя». А. В. Пошатаева (1998:126) считает, что в этом романе Ю. Рытхэу «анализирует противоборство духовности и цивилизации в столкновении лучших представителей народов». По мнению этого автора, две выдающихся личности (молодой чукча-шаман Кагот и знаменитый норвежский путешественник Руал Амундсен, открывший Южный полюс), встретившихся в обыденном течении жизни, являются антиподами. Вину гибели Кагота А. В. Пошатаева объясняет следующим образом (1998:126):

[...] ни дружелюбие, ни огромный человеческий интерес друг к другу и непривычному образу жизни сторон, ни наметившееся было взаимопонимание не могли помешать трагической гибели Кагота. Рационализм устоявшейся цивилизованной жизни и научной деятельности в условиях многолетнего плавания и дрейфа Амундсена оказывается трагически противопоставленным мировосприятию Кагота.

Но обращение к содержанию этого романа заставляет усомниться в адекватности такого понимания взаимоотношения героев, поскольку антиподами они могут казаться только на поверхностном уровне, обращение же к их психологии свидетельствует о другом.

На протяжении всего романа читатель все больше и больше утверждает в мысли, что никто из окружающих лучше не может понять и почувствовать душу этого народа, как Амундсен. Так, напри-

мер, он разделяет мнение главного героя романа Кагота о том, что: «Человек изнутри должен быть не менее сильным, чем внешне. Иной раз внутренняя сила бывает нужнее» («Магические числа», 8: 129⁴).

Наблюдая за безуспешными попытками Кагота найти конечное магическое число, которое должно осветить истину жизни, «Амундсен вдруг остановился от неожиданно возникшей мысли: а чем он, в сущности, отличается от Кагота? Разве его самого не называли фанатиком, безумцем, пренебрегающим советами разумных и опытных людей?» («Магические числа», 8:140).

Норвежского путешественника восхищала природная одаренность, изобретательность чукчей:

Вы только посмотрите, — взволнованно произнес Амундсен, — как искусно оплетена чашка! Словно кружево, ременное кружево. Поразительно! Я не перестаю удивляться и восхищаться умением северного человека приспособиться к самым невероятным условиям на обиженной природой земле. Ей-богу, эти люди заслуживают лучшей участи и защиты. («Магические числа», 6:73)

А всматриваясь в ритуальный танец сказочного Ворона, повествующий о происхождении земли, воды и неба, Амундсен почувствовал, что «В этих простых и примитивных, на первый взгляд, звуках и телодвижениях была та таинственная сила искусства, которая объединяет все человеческое на земле.» («Магические числа», 8:136).

Эта, казалось бы очень простая и понятная, но такая важная и порой трудноосознаваемая современным человеком мысль об объединении всего человеческого на земле особенно выразительно прозвучала в современной легенде, повести-притче «Когда киты уходят». В основу этого произведения положена поэтическая легенда о Матери-прародительнице приморских чукчей, зачавшей их род от гиганта-Кита. Именно в этой повести-притче наиболее отчетливо проступает степень осмысления автором нравственных ценностей народной культуры, их приоритета над бездуховностью, цинизмом,

---

⁴ Цитируется по изданию: «Новый мир», 1985, №№ 6-8.

бездушным рационализмом и прагматизмом. Разве не актуально и не предостерегающе звучат слова старой Нау, Матери-прародительнице приморских чукчей, сейчас, во время разжигания межнациональной вражды, расовой непримиримости, нацизма:

Если ты сегодня убил своего брата только за то, что он не был похож на тебя, то завтра... [...] Но где кит? Где эта огромная гора жира и мяса, которую они вчера приволокли?

Армагыргин сбежал к воде. У прибоя виднелось что-то небольшое, смываемое волнами.

Да, кита не было.

Вместо него лежал человек. Он был мертв, и волны перебирали его черные волосы.

А далеко, до стыка воды и неба, простиралось огромное пустынное море, и не было на нем ни единого признака жизни, ни одного китового фонтана.

Киты ушли. («Когда киты уходят», 151⁵)

Тема неразрывного единства природы и человека остается «сквозной» в произведениях Ю. Рытхэу. И это касается в равной степени как его публицистики, так и художественных произведений. Как было уже сказано, в повести-притче «Когда киты уходят» отразилось осмысление автором нравственных ценностей народной культуры, их приоритета перед рационализмом и бездуховностью надвигающейся на чукотский народ «галечной косы» цивилизации (см. об этом также в указ. работе Пошатаевой, 1998:126).

Критика прагматического подхода хозяйственников и пришлого люда к природе, разрушение среды обитания строительством промышленных предприятий, разбазаривание естественных богатств в ущерб народному благосостоянию стала не только предметом выступлений и статей писателя, но и нашла воплощение в ряде художественных произведений. Наиболее выразительно эта тема прозвучала в повести «Прямо в глаза»... (1984).

Главный герой этой повести, бригадир оленеводческой бригады Инки, не представляет своей жизни без чукотской земли: «Именно по этому простору и воздуху тосковал Инки, когда ему ненадолго приходилось отлучаться из тундры.» («Прямо в глаза»..., 12).

---

⁵ Цитируется по изданию: «Новый мир», 1977, № 7.

В общих чертах можно сказать, что в основу сюжета этой повести, наряду с другими социальными проблемами, положена одна из наиболее важных для людей Крайнего Севера проблема — защита окружающей среды. Но развитие сюжета лишено здесь ложной романтической окраски. В основу конфликта положено разное понимание способов разрешения этой проблемы пришлым людом и истинным хозяином чукотской земли Инки:

Может быть, и вправду здесь красиво? Скорее всего это так. Нынче много разговоров о том, что надо беречь тундру, природу. Да и без этих разговоров Инки свой вездеход водил летом только по гальке, чтобы не рушить кочкарники и моховой покров. Это ведь и дураку ясно безо всякой борьбы за сохранение природы. («Прямо в глаза»..., 12)

Примером открытой публицистичности Ю. Рытхэу, направленной против другой «болезни» современного общества, бюрократизма, стал рассказ «Возвращение на Землю» (1986). В фантастической форме в этом рассказе повествуется о посещении землянами-космонавтами (это были ненец Григорий Тайбарей, вьетнамец Нгуен Тхань, русский Владимир Чулков и гималаец Роми Сахни) обитаемой планеты Зеркальной на окраине Вселенной. На планете Зеркальной космонавты обнаружили уровень цивилизации, существовавшей на нашей Земле в конце двадцатого века. Застойные явления, преодоленные землянами благодаря перестройке, в еще более уродливой форме продолжают существовать на планете Зеркальной. Космонавты увидели, что эта планета, когда-то процветающая, идет к упадку и гибели.

Таким образом, обращаясь к широким возможностям изобразительных средств фантастической прозы, Ю. Рытхэу подвергает острой критике реальные негативные стороны жизни на современной Земле, сосредоточив при этом внимание на одном из отвратительнейших явлений жизни в нашей стране в период глубокого застоя — бюрократизме. Писатель с глубоким сожалением признает, что только в фантастическом забвении возможно предположить, что с бюрократизмом на Земле покончено. Особенно отчетливо, уже без зашифрованности и аллегоричности, эта мысль звучит в конце рассказа:

Накануне посадки на Главный земной космодром в районе пустыни Сахара во всех уголках космического корабля Сверхдальней земной экспедиции был услышан голос начальника экспедиции: «Всем научным сотрудникам — подготовить отчеты в трех экземплярах! Сверить идентичность копий! Всем членам экипажа — подготовить личные документы, сертификаты о состоянии здоровья!» («Возвращение на Землю», 67)

Как справедливо отметил А. Власенко (1988:65), развитие Ю. Рытхэу как художника ознаменовалось появлением в его творчестве мотивов неприятия и резкого осуждения всех тех негативных фактов, которые стоят на пути совершенствования, культуры, духовного облика человека. Немаловажную роль в становлении художественного мастерства писателя сыграло полное его освобождение от традиционного представления о Севере как стране, полной экзотики. То, что мы находим в современных произведениях чукотского писателя — это не захватывающее описание снежной пустыни под искрящимся северным сиянием, а описание реальной жизни на Чукотке в реальных для местных жителей условиях.

Об экзотичности произведений Ю. Рытхэу высказываются совершенно противоположные мнения. Так, например, Д. Кугультинову (1981:4) романы Ю. Рытхэу кажутся «художественной летописью Чукотки, они отображают события жизни за сравнительно короткое время, но это короткое время является спрессованной, сжатой историей чукотского народа», а Л. Друскин (1984:348) считает, что это «Прежде всего [...] неталантливо. Громада этнографии без всякого художественного отбора навалилась на сюжет, лишая произведение динамики».

Мне кажется, что ни одно, ни другое мнение не является объективным, поскольку для того, чтобы до конца понимать, о чем на самом деле пишет Ю. Рытхэу, надо знать жизнь, обычаи, характер и судьбу маленького, но стойкого и благородного чукотского народа не понаслышке. Ведь совершенно очевидно, что произведения Рытхэу по-разному воспринимаются людьми, которые «изнутри» знают жизнь чукчей и читателями — сторонними наблюдателями: для первых экзотическое описание жизни чукчей — это воздух, необходимый фон, на котором развивается действие, для других же

— это голая экзотика, заглушающая в их сознании всякую мысль автора.

Ю. С. Рытхэу (5.10.97) на мой вопрос по этому поводу ответил просто:

Когда я начал читать на русском языке, для меня вся русская литература состояла тоже из экзотики, потому что как сеют хлеб — это для меня была экзотика, как папуг землю — это была экзотика, как доят корову — это была экзотика. Действительно, я описываю ту жизнь, которая для этого человека является экзотикой.

В третий период, в период «гласности», увидели свет новые произведения Ю. Рытхэу: рассказы «Страшный немец Мекленберг» (1989), «Путешествие в молодость, или Время красной морозки» (1989), повесть «Унна» (1992) и др. Как мне кажется, между этими, последними работами и предыдущими, высоко оцененными как советской критикой⁶, так и представителями Западного мира⁷ нет пропасти. Если вчитаться, то совершенно очевидно, что, например, то, что было «между строк» в «Полярном круге» (1986), стало лейтмотивом в «Путешествии в молодость...» (1989). Но для произведений этого периода характерны отчетливо сформулированные темы глубокого переосмысления прожитого, открытая исповедь о давно наболевшем, выкристаллизованные образы. В произведениях этого периода далеко не последнее место занимает тема взаимоотношения людей разных национальностей.

Вероятно, для любого человека, живущего в отрыве от своего этнического массива, национальный вопрос остается острым и болезненным на протяжении всей жизни. Но если в молодости люди менее чувствительны к обидам и несправедливостям, возникающим на этой почве, быстрее их забывают, то с возрастом все воспринимается

---

⁶ Кроме указанных выше работ А. Власенко, И. Осмоловской, И. Пошатаевой и др., можно подчеркнуть, что о Ю. Рытхэу написано в «Большой Советской Энциклопедии».

⁷ Кроме указанной монографии М. Зальцманн, можно упомянуть о телеграмме, которую Ю. С. Рытхэу получил от Э. Хемингуэя: «Так держать, Рытхэу!»

острее, болезненнее, по-другому видятся и обиды, пережитые в молодые годы.

Как было сказано, эта тема нашла отражение и в творчестве чукотского писателя, большую часть жизни прожившего в северной столице России. В произведениях, написанных в молодые годы жизни в Ленинграде, мы не находим болезненного восприятия героями унижительного отношения к ним местных жителей. Конечно, сейчас можно сказать, что в то время нельзя было говорить открыто о своих чувствах. Возможно, в этом есть доля правды, но, с другой стороны, затаившиеся, невысказанные обиды, как снежный ком, разрастаются в душе человека, постоянно чувствующего себя «не дома».

Для подтверждения сказанного можно сравнить две сцены, в которых описывается приход Ринтына в гости к одному ленинградцу (в романе «Ленинградский рассвет» это Петр Петрович, а в повести «Путешествие в молодость...» — Петр Иванович). И в первом, и во втором случае описывается случай с кнопкой дверного звонка, которую ленинградцы называют специально для Ринтына рыбий глаз, думая, что именно так кнопка называется по-чукотски; в обоих случаях дядя Петя нарочито много уделяет внимания диковинному чукче. Но если в первом случае наметившийся было конфликт оборачивается примирением и извинениями: «Ты уж, брат, нас извини. Мы мало знаем ваш народ, ваши обычаи и ненароком можем ляпнуть такое, что тебе будет не очень приятно.» («Ленинградский рассвет», 46, 47), то во втором случае события развиваются совсем по другому сценарию, между гостем и хозяином не возникло дружеских отношений. Так, провожая Ринтына, невыносимый дядя Петя, явно издеваясь над гостем, весело сказал:

— Приходи еще раз, чукча! Ты мне понравился. Но в следующий раз не забудь нажать на рыбий глаз!

Он вышел на лесничью площадку и среди множества разноцветных кнопок показал на одну, синенькую, и впрямь похожую на глаз дохлой камбалы.

— Видишь, вот тут написано Огнfv. Это моя фамилия — Огнfv.

— Он сделал ударение на последнем слоге, и я, воспользовавшись этим, тоже не без нажима, сказал:

— А моя фамилия Ринтын! Ринтын! — повторил я, выдирая свою руку из потной ладони дяди Пети [...] В этот вечер я понял, что

отношения между людьми разных национальностей в нашей стране далеко не просты... («Путешествие в молодость...», 16)

Конечно, этот непростой вопрос не остался в стороне и в нашей беседе. Касаясь этой темы в названных произведениях, я спросила: «Юрий Сергеевич, а Вы чувствовали себя нерусским, когда учились в Ленинграде?» На что последовал ответ (5.10.97):

Я всегда чувствую, что я нерусский. Жена у меня русская. Я не чувствую никаких неудобств, кроме тех случаев, когда дурак там скажет какой-нибудь. Но это бывает так. Бывает и на русского скажут. У нас там на Чукотке, бывает, по-всякому обзывают русских. Поэтому я не ощущаю себя русским: я как был чукчей, так им и остался. Человек рождается один раз, уже в том облики растёт и все. Он уже не может поменять свою жизнь на другую, так не бывает. Значит, он должен стать другим. Уже не этим человеком. Это уже будет не тот человек, это уже будет не Рытхэу, а кто-то другой.

Во время нашей встречи Юрий Сергеевич подарил мне рукопись его нового неопубликованного романа «В зеркале забвения». Этот роман, с одной стороны, не похож на предыдущие произведения автора, поскольку в нем причудливо переплетаются реальные и фантастические сюжеты. С другой стороны, в этом романе, как в зеркале, отражается все пережитое и выстраданное, высказанное и невысказанное, сокровенное и наболевшее. «В зеркале забвения» в художественной форме отразилась вся жизнь и все творчество писателя, от счастливого «Ленинградского рассвета» до несчастной, искорверканной судьбы Унны, которая «летела над тундрой, как искра, оторванная от тундрового костра...» («Унна»⁸, 11:94).

В завершение этой статьи приведу несколько строк из предисловия-эпиграфа к повести «Путешествие в молодость или Время красной морошки»⁹ (6):

---

⁸ Цитируется по изданию: «Нева», 1992, № 11.

⁹ Цитируется по изданию: «Дружба народов», 1989, № 5.

Прожитого не изменить, но на то и дана нам память, чтобы обогащать жизнь воспроизведением незаслуженно забытого.

Невозможно вернуться в молодость и исправить ошибки. Ну, а если бы у людей была возможность исправлять, доделывать прожитое, была бы жизнь счастливой? [...] Да, нельзя переделать то, что прожито. Но можно посмотреть на жизнь свою с иной высоты.

Как было уже сказано, произведения Ю. С. Рытхэу последнего периода — это взгляд художника на прожитую жизнь, переосмысление и переоценка ценностей, попытка объяснить, прежде всего, самому себе допущенные ошибки, просчеты и неудачи.

Ю. С. Рытхэу оценивает современную ситуацию на Чукотке как очень трудную, почти что трагическую. Именно эта печальная мысль нашла художественное воплощение в повести «Унна», где безжалостно вскрыты все язвы на больном теле растерзанной Чукотки, воплощенной в образе трагически ушедшей из жизни молодой, красивой, талантливой чукчанки.

Но в словах писателя звучит и надежда на свой народ, на его силу, мудрость, умение преодолевать, казалось бы, непреодолимые трудности (5.10.97):

Но я должен сказать, что чукчи-то в иных условиях и не жили. Они все время жили на грани выживания. Практически их предали, обманули, вели к светлому будущему, бросили посреди пустыни. Это было все: и олени, и прошлое, и будущее, и язык. Просветы, конечно есть. Это выражается в том, что все разговоры о том, что кто-то поможет, в том числе и государство, — это все сказки белого человека. Надо надеяться, как надеялись наши предки, только на себя. Вот эта мысль — самая главная.

Цитированные произведения Ю. Рытхэу

- 1981. Избранное в двух томах. Ленинград.
- 1986. Дорога в Ленинград. Повесть. Ленинград.
- 1986. Полярный круг. Повесть. Ленинград.
- 1972. В долине Маленьких Зайчиков. Роман. Ленинград.
- 1975. Белые снега. Роман. Москва.
- 1977. Конец вечной мерзлоты. Роман. // Новый мир, № № 10, 11.

1977. Когда киты уходят. Современная легенда. // Новый мир, № 7.
 1979. Тэрыкы. Современная легенда. // Дружба народов. № 12.
 1980. Ирвытгыр. // Современные легенды. Ленинград
 1981. Время таяния снегов. Роман. Москва.
 1981. Ринтын едет в университет. Роман. Москва.
 1981. Ленинградский рассвет. Роман. Москва.
 1981. Сон в начале тумана. Роман в 2-х частях: 1. Сон в начале тумана. 2. Иней на пороге. Избранное в двух томах. Ленинград.
 1984. Прямо в глаза... Повесть. // Юность, № 10.
 1985. Магические числа. Роман. // Новый мир, № № 6, 7, 8.
 1986. Возвращение на Землю. Рассказ. // Огонек, № 32.
 1987. Остров надежды. Роман. Москва.
 1989. Страшный немец Мекленберг. Рассказ. // Знамя, № 1.
 1989. Путешествие в молодость, или Время красной морошки. Повесть. // Дружба народов. № № 5, 6.
 1992. Унна. Повесть. // Нева, № № 11, 12.

Библиография

- Антропольский, А.*, 1959. Человек идет к счастью. Москва, № 2.
Василевский, Б., 1980. Возвращение в Уэлен. // Дружба народов, № 6.
Власенко, А., 1988. Юрий Рытхэу. Литературный портрет. Москва.
Гусева, З., 1953. Рассказы Рытхэу // Октябрь, № 8.
Друскин, Л., 1984. Спасенная книга. London.
Зальцманн, 1974 = Salzmann, M. Iouri Rytkeou. Contes de la Tchoukotka. Paris.
Кугультинов, Д., 1981. Предисловие. // Ю. Рытхэу. Избранное в двух томах. Том 1. Ленинград.
Лёнгрен, 1997 = Lönngren, T. Noen ord om Jurij Rytcheu. // Russisk i Tromsø, 1997.
Осмоловская, И., 1978. Путь к писателю. Магадан.
Пошатаева, А., 1998. Ю. Рытхэу, В. Санги. Опыт реконструкции эстетики переходных эпох. // История национальных литератур. Вып. 3. Москва.

- Соловьева, И.*, 1958. Время таяния снегов // Дружба народов, № 11.
Смольников, И., 1986. Близость дальних побережий. // Ю. Рытхэу,
Дорога в Ленинград. Полярный круг. Ленинград.
Якименко, Л., 1973. На дорогах века. Москва.
Яранцев, Б., 1957. Сага о чукотском народе. // Знамя, № 6.

(Фотография)

Юрий Сергеевич
Рытхэу во время
интервью 5.10.97
в своей квартире
в С.-Петербурге

Summary: Life on the Edge of Extinction. Notes on the Literary Work of Yuri Rytkeu

The Chukotian writer Yuri Rytkeu, born in 1930, is the author of a large number of books, all of them dealing with the hard life of the small indigenous people to which he belongs. The last century has seen two important turning-points in this people's history: the establishment of Soviet power and its fall. Neither event has led to an improvement of the situation. The never-ending hardships continue, as does the struggle for life, disillusion, and the conviction that there is no-one to rely on but yourself, your own strength.

The literary works of Rytkeu can be divided into three periods: 1. the fifties and sixties; 2. the seventies and eighties; and 3. the nineties. The first period comprises early works written in the Chukotian language, and also some autobiographical works. Several of his best-known books are from the second period. Works from the last period have a retrospective character.

E-mail: tamara.lonngren@hum.uit.no